

I 332.

ХРИСТИАНСКОЕ

ЧТЕНИЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА УДАЛОВЪ.

1883.

515
108

ПО ПОВОДУ БРОШЮРЫ:

«Споры Безноповцевъ Преображенскаго кладбища и Покровской часовни о бракѣ». К. Надеждина. Спб. 1865 года.

(Статья пятая) (1).

Нелегко и неприятно было Василью Емельянову и его послѣдователямъ вести полемику по вопросу о бракѣ съ своими единовѣрцами—Поморцами Выговской пустыни и другихъ мѣсть. Но по крайней мѣрѣ труды ихъ въ этомъ случаѣ не пропадали даромъ. Гораздо труднѣе и главное — бесплоднѣе была борьба Покровской часовни изъ-за того же вопроса съ Федосѣевцами Преображенскаго кладбища, или вѣрнѣе: съ строителемъ этого кладбища — Ковылинымъ, заправлявшимъ всеми дѣлами Федосѣевцевъ. Выше мы видѣли, какъ, по своимъ сектантскимъ расчетамъ и по своей склонности къ „неправственности по предмету удовлетворенія тѣла“, Ковылинъ отнесся къ вопросу о бракѣ (2). Честное ученіе Емельянова о бракѣ, требовавшее отъ cadaго, кто не могъ сохранить дѣвства, открытаго,

(1) См. Хр. Чт. 1866 г. май, августъ, октябрь и декабрь.

(2) Хр. Чт. 1866 г. декабрь стр. 781—788.

„вѣчнаго и нерасторжимаго сожитія“ съ избранною имъ женщиною, находилось въ прямомъ противорѣчїи безнравственной проповѣди Ковылина о „тайномъ утоленїи похоти съ перемѣнными любовницами“. Уже одно это обстоятельство могло раздражать гордаго и самоувѣреннаго „патріарха Ѳедосїанской Церкви“, какъ величаетъ Ковылина Любопытный. Когда же примѣръ Поморцевъ Покровской часовни, вступавшихъ въ бракъ съ „благословенїя“ Емельянова, сталъ дѣйствовать заразительно и на Ѳедосѣевцевъ, и многіе изъ учениковъ Ковылина, стѣняясь въ совѣсти предаваться разврату, начали переходить на сторону Покровской часовни — съ цѣлю вступать съ ея разрѣшенїя въ брачную жизнь (1); — гнѣвъ Ковылина на Емельянова и его послѣдователей перешелъ въ ненависть, въ злобу, въ открытое преслѣдованіе Поморцевъ. Если бы съ подобными чувствами отнесся къ Покровской часовнѣ и ея ученїю о бракѣ какой-либо Иванъ Петровъ Коржавинъ (2), или другой какой-либо „членъ“ и даже „пастырь Ѳедосїанской Церкви“, — Емельяновъ могъ бы не слишкомъ беспокоиться объ этомъ. Въ числѣ его послѣдователей было не мало лицъ, которые въ состоянїи были дать обстоятельный отвѣтъ всякому, вопрошавшему о новомъ ученїи ихъ любимаго учителя, и могли съ достоинствомъ отразить нападенїя любаго „бракорборца“. Другое совѣтъ значенїе имѣла борьба съ Покровской часовней Ковылина. Это былъ не простой Ѳедосїанецъ, но человекъ, „слава котораго, по выраженїю Любопытнаго, гремѣла во всей Москвѣ и звукъ ея раздавался въ Петрополь, Ригъ,

(1) Любоп. Катал. стр. 69 и 151, № 651; Сборн. для исторїи старообр. Попова, т. II, прилож. стр. 137.

(2) См. объ немъ въ историч. Слов. Любопытнаго.

Астрахани; Нижнемъ и въ прочиѣхъ странахъ благочестія“, который считался и былъ на самомъ дѣлѣ „единственный человѣкъ ради церкви (?) и ея созданий“, пожертвовавъ наприм. на устройство Преображенскаго владбища „до трехъ сотъ тысячъ рублей“, котораго при первомъ взглядѣ каждый раскольникъ признавалъ „въ церкви (т. е. въ расколѣ Федосѣевскомъ) патриархомъ, а въ мирѣ—владыкою міра“, который былъ „общимъ и отличнымъ покровителемъ всѣхъ церквей (т. е. толковъ) старообрядства отъ владыкъ міра и насилій іерархій его“,—за что раскольники разныхъ толковъ и родовъ пресмыкались предъ Ильєю Алексѣичемъ, кланялись ему въ ноги, цѣловали руки и проч., который былъ дружески знакомъ со всѣми тогдашними административными знаменитостями Москвы,—знакомъ до того, что позволялъ себѣ иногда потѣшаться надъ ними, угощая ихъ „до положенія“ и сажая при разѣздѣ по домамъ въ чужія кареты, въ слѣдствіе чего градоначальникъ напр., попадалъ въ домъ оберъ-полиціиместера, тотъ въ домъ градоначальника (1) и проч., у котораго на жаловань было все мелкое московское чиновничество, котораго удостоивали интимныхъ бесѣдъ такія личности, какъ „генералъ Потемкинъ“ (2), съ которымъ пріятельски переносывался князь Куракинъ (3), къ которому во время болѣзни посылалъ своихъ ординарцевъ осведомиться о здоровьѣ Ильи Алексѣича графъ Тутояминъ, Московскій главнокомандующій (4) и проч. и проч. Борьба Покровцевъ съ такимъ человѣкомъ была

(1) Сборн. прав. свид. о раск. Кельсѣва кн. 1., стр. 18—19

(2) Споры безноп. Преобр. владб. и Покр. часов. о бракѣ стр. 38.

(3) Хр. Чт. 1860 г., ч. II, стр. 46.

(4) Сборн. прав. свид. о раск. Кельсѣва кн. 1, стр. 27—8.

не легка и не безопасна. Если же мы прибавимъ къ этому, что Ковылинъ, благодаря своимъ связямъ и богатству, былъ крайне гордъ, упрямъ и даже дерзокъ въ отношеніи къ своимъ врагамъ (1); то согласимся, что Покровская часовня, защищая свое ученіе о бракѣ предъ Ильею Алексѣичемъ, должна была вести себя съ крайнею осторожностью и благоразуміемъ, чтобы не навлечь на себя гнѣва не только Ковылина, но и тѣхъ „владыкъ міра“, которые покровительствовали расколу, благодаря только проискамъ Ильи Алексѣича. Покровская часовня такъ и повела дѣло. Искренно убѣжденная въ справедливости своего ученія о необходимости брачной жизни, она не требовала однако же отъ Преображенскаго владыки безусловнаго подчиненія этому ученію, а только братски предлагала его ему „на разсмотрѣніе“, увѣренная втайнѣ, что истина видна будетъ сама собою. Съ этою цѣлью Василій Емельяновъ, Гавріилъ Скачковъ, купецъ Федоръ Зѣньковъ, перешедшій на сторону Покровской часовни, Алексѣй Заяцевскій и другіе сторонники Покровской часовни стали писать одно за другимъ сочиненія, въ которыхъ съ одной стороны старались показать неосновательность доводовъ, на которыхъ бракорыцъ утверждали свое ученіе о всеобщемъ дѣвствѣ, съ другой защищали правильность своихъ „безсвященнословныхъ“ браковъ. Мы изложимъ съ возможною впрочемъ краткостію содержаніе какъ полемическихъ, такъ и апологетическихъ сочиненій послѣдователей Покровской часовни, чтобы видѣть какъ и чѣмъ Поморцы опровергали Федосѣевское ученіе о безусловномъ дѣвствѣ и доказывали мнимую законность своихъ безсвященнословныхъ браковъ.

(1) Доказательство на это увидимъ послѣ.

Разсматривая сочиненія Поморцевъ Покровской часовни, направленныя противъ ученія Фодосѣевцевъ Преображенскаго кладбища о всеобщемъ дѣвствѣ, прежде всего нельзя не замѣтить въ нихъ полного безпристрастія, съ которымъ защитники брака ведутъ свою полемику съ бракоборцами, проповѣдывавшими одно дѣвство. Вооружаясь противъ Фодосѣевского безбрачія, Поморцы не впадаютъ въ противоположную крайность, не называютъ дѣвство, къ которому Преобразенцы обязывали всѣхъ и cadaго, явленіемъ неестественнымъ и уродливымъ, какъ поступилъ напр., Лютеръ, вооружаясь противъ монашескаго безбрачія,—напротивъ относятся къ нему съ величайшимъ уваженіемъ, только стараются доказать, что несправедливо дѣвственную жизнь возвышать въ ущербъ жизни брачной, что и бракъ—дѣло законное и святое, ни мало не препятствующее спасенію христіанина, и что наконецъ безразсудно требовать отъ всѣхъ непремѣннаго дѣвства.

„Дѣвство, писалъ Скачковъ, должно почитать выше брака: отъ дѣвы Самъ Іисусъ Христосъ родился и многіе изъ учениковъ Его были дѣвственники. Если бы загражденъ былъ для всѣхъ этотъ путь, то не было бы таковыхъ свѣтильниковъ, каковъ Іоаннъ Предтеча и прочіи святіи: Аванасій, Кириллъ, Никола. Аще бы вси брачніи были, то имѣли бы неотложное попеченіе о своей женѣ и дѣтяхъ и прочихъ домашнихъ потребахъ и како бы возмogli встать противу враговъ, нападающихъ на Церковь Христову? Не было бы имъ столько свободнаго времени гремѣти златословесными ученіями паче громовъ! страшныхъ. Не обтекали бы они далечайшія страны, не обходили бы пространныя грады, не посѣщали бы многочисленныя села и веси, не сѣли

бы сами Слова Божія, отъ котораго прорастали и нынѣ прозреваютъ сторичные плоды... И лишился бы стадо Христово бодрыхъ и добрыхъ пастырей и Церковь православная не имѣла бы такого богатства разума“. Но отдавая полное уваженіе дѣвственной жизни, нельзя въ тоже время не признавать святости и жизни брачной. „Самъ Спаситель почтилъ бракъ, сотворивъ свое чудо, о дѣвствѣ же прямо сказалъ: не вси вмѣщаютъ словесе сего, но имъ же дано есть и: могой вмѣстити, да вмѣститъ; такожде и о супружествѣ глагола: еже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ“. Развивая ту мысль, что не одно дѣвство ведетъ ко спасенію, что и бракъ имѣетъ все свое значеніе въ Церкви Христовой, Скачковъ, независимо отъ свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ св. Писанія и Отцевъ Церкви, прибѣгаетъ въ слѣдующему разсужденію простаго, здраваго смысла: „откуда бы родился Ной, праотецъ нашъ? Откуда бы Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ, Предтеча Іоаннъ, Никола и прочіи Святіи? Вси отъ законнаго супружества произошли. Притомъ не только отъ обоихъ правобѣрныхъ, но и отъ таковыхъ, которые вѣрные съ невѣрными въ законномъ сопряженіи пребывали: отъ нихъ же Григорій Богословъ, Климентъ Нікитскій и прочіе. И такъ всякій благоразумный долженъ согласиться съ нами, что возлюбленная невѣста Христова св. Церковь сими двумя чинами — дѣвственниками и супружними, яко двѣма крылами орла великаго, ими же возлетая къ пренемерочному своему жениху Христу, вознеситъ и всѣхъ, въ объятіяхъ ея пребывающихъ; отъими едине крыло самыя прелестивѣйшія птицы, тогда она не можетъ возлетать на высоту. Такожде отъимеши единъ чинъ дѣвственныхъ или супруж-

ныхъ отъ св. Церкви, то она не можетъ быть истинная мѣрста Христова, парящая дѣяма крестома. Но этому и св. соборы предавали проклятію тѣхъ, которые презирали брачный путь: аще кто дѣвствуетъ, или воздержится, явонно мерзость творяще бракъ, говорить 9-е правило Гангрскаго собора, да будетъ проклятъ“ (1).

Независимо отъ атикъ обвинѣній мисской, направленныхъ противъ крайности Федосѣевскаго ученія о всеобщемъ дѣяствѣ, Поморцы старались развить ту частную мысль, что дѣвственный путь по своей высотѣ открытъ для не многихъ, что даже избранные нерѣдко падаютъ на немъ и что, слѣдовательно, безразсудно требовать дѣвственной жизни отъ всѣхъ, какъ дѣлали это Федосѣевцы. „Хочеть плоти, писалъ другой сторонникъ Попровской часовни—Алексѣй Зяцковскій, пребываетъ и будетъ пребывать вѣчно, и она вложена отъ Всемогущаго Творца не ради того, чтобы вышесильною волею удерживать всѣхъ въ безупружномъ и дѣвственномъ житіи, но ради того, чтобы чрезъ оное умножался родъ человѣческій“. Законы Божественные не имѣются въ природѣ, въ доказательство чего Зяцковскій обращаетъ вниманіе Федосѣевцевъ на окружающій міръ животныхъ, гдѣ „преемство родовъ чрезъ подобіе соблюдается: конь коня преемникомъ себѣ творить, левъ—льва, орелъ — орла, и никакое время не растлѣваетъ животныхъ свойства, но яко бы нынѣ устроено было, естество всегда новокупно со временемъ течеть. И аще безсловесныя животныя, по Божію благословенію, продолжаютъ и продолжать будутъ свое бытіе, все бо за земли и въ водахъ пребывающая и по воздуху летаю-

(1) „О двухъ путяхъ“ рукопись Импер. публ. библиотеки по отд. бракоб. сочин. № 29, въ Сборникѣ подъ № 473.

щая рождаются и рождаютъ, живутъ и умираютъ, оставляя по себѣ своего рода наслѣдіе, — какъ же человѣкъ, созданный по образу и по подобію Божию, а при томъ и честною Его кровію очищенный, такогого Божія благословенія лишится и будетъ претерпѣвать отъ воспаления плоти великую нужду и неволю носить не всѣмъ удобоносимое бремя? — Выходя изъ этого общаго положенія, Заяцевскій увѣряетъ Федосѣевцевъ, что невозможно переимѣнить естества уставы и умноженіе человѣческаго рода уничтожить и упразднить, что нельзя весь міръ обязать къ непремѣнному дѣвству; иначе — отъ обязательнаго и безусловнаго дѣвства могутъ произойти самыя пагубныя послѣдствія. Рассказавъ за тѣмъ, какъ Григорій, св. папа Римскій, издавшій повелѣніе, чтобы священно-служителямъ не имѣть женъ, напелъ однажды въ своемъ пруду 6000 младенцевъ, рожденныхъ, какъ узнали послѣ, отъ тайныхъ священно-служительскихъ любодѣній, — что привело папу и всѣхъ въ великій ужасъ и удивленіе (1), Заяцевскій, какъ бы въ объясненіе такого ужаснаго факта, писалъ: „жизнь чисто дѣвственная можетъ быть допускаема, какъ чрезвычайно рѣдкое явленіе. Сила похоти есть столь велика, что можетъ противъ оныя вооружаться и твердо стоять развѣ тотъ, кому особенно вліяна есть благодать Божія за великіе подвиги и труды и великія добродѣтели. Мы видимъ, что даже избранные Божіи, которые въ удаленіи отъ міра пребывали и чудотворенія даръ имѣли, мужіе знаменитѣйшіе и въ старость гдѣтъ пришедшіе, плѣнены были похотію естества и съ неудержимымъ

(1) Заяцевскій не указываетъ, откуда онъ взялъ свидѣніе о такомъ фактѣ; но Слэчковь въ сочиненіи „о двухъ путяхъ“, рассказывая тотъ же фактъ, ссылается на Варонія подъ 591 годомъ.

стремленіемъ впадали въ пороки страстей⁴. Приведа въ подтвержденіе своей мысли множество примѣровъ изъ жизни св. подвижниковъ, Зайцевскій продолжалъ: „и аще столь великіе мужи, удаляющіися отъ міра, живущіе въ пустыняхъ, ядущіе простую и прискорбную пищу и водою свою жажду утоляющіе, спящіе на голой землѣ, а посему и одежды худыя носящіе, ниспадали въ стремившу плотскихъ страстей, побѣждаемы врожденнымъ въ совокупленію похотѣніемъ“; то Оедосѣвцамъ, которые не удаляются отъ міра, а напротивъ всѣми возможными средствами стараются приобрѣсть богатство и живутъ среди самой соблазнительной обстановки, не слѣдовало бы „возбранять законно женитися“. Въ противномъ случаѣ имъ грозитъ опасность впасть „въ крайнее развращеніе“ (1).

Что предсказывалъ Зайцевскій, то и случилось. Оедосѣвцы, какъ мы отчасти уже видѣли, не въ состояніи будучи выносить невольнаго дѣвства, предались, благодаря снисходительности своего руководителя—Ковылина, самому гнусному разврату. По свидѣтельству Зенькова, Преображенцы, признавая „одно точію дѣвство“ и въ тоже время не въ силахъ будучи жить цѣломудренно, „дѣвицъ и вдовицъ въ стряпухи поймали и тайное сквернодѣяніе творили, а ребятъ всюду подкидывали“ (2). Такъ дѣлали прихожане Преображенскаго кладбища, жившіе въ своихъ домахъ. Что же касается обитателей и обитательницъ самаго кладбища, жившихъ на отдѣльныхъ его половинахъ, то они поступали слѣдующимъ образомъ: выбирали себѣ по вкусу

(1) „Слово увѣщательное о законномъ бракѣ“—рукопись Публ. библіот. № 31.

(2) См. письма Зенькова въ Сборн. брак. сочин. Публ. библіот. № 87.

друзей и подругъ и — умножали число воспитанниковъ Ильи Алексѣича, считаясь въ то же время дѣвственницами и дѣвственницами. Само собою разумѣется, что подобная безнравственная жизнь послѣдователей Ковылина не могла укрыться отъ вниманія Поморцевъ. И вотъ нѣкоторые изъ нихъ, желая доказать Оедосѣвцамъ непримѣнимость къ жизни ихъ ученія о всеобщемъ дѣвствѣ, указывали въ подтвержденіе своихъ словъ на тѣ пагубныя слѣдствія, къ каковымъ вело послѣдователей Преображенскаго владѣнща проповѣдуемое ими безбрачіе. Это были доказательства, такъ сказать, ad hominem. Но Ковылинъ не такой былъ человекъ, чтобы могъ сознаваться въ слабостяхъ своихъ и своего общества. Будучи „потатчиномъ блудной свободы“ тайно, онъ предъ поморцами старался доказывать, что помѣщенныя имъ на Преображенскомъ владѣнщѣ молодши и дѣвицы живутъ хотя и вмѣстѣ, но не вопреки Божественнымъ правиламъ, такъ какъ и „древле бывали дѣвицы и вдовицы“, которыя хотя жили въ мирѣ и нарѣдко въ однихъ домахъ съ мужчинами, однако проводили жизнь чистую, дѣвственную, — и притомъ живутъ вмѣстѣ „кромя всякаго презорства“, а единственно для произведенія мастерствъ. Въ опроверженіе такихъ коммерческихъ соображеній Ковылина Поморцы говорили, что дѣвственницъ Преображенскаго владѣнща никакъ нельзя сравнивать съ древними дѣвницами, дѣвство которыхъ было свободное и произвольное, а главнымъ образомъ — чистое, святое (1). „Разсмотри убо Ильи,

(1) Бывали и съ древними дѣвницами грѣхи, но за то какими грѣшнымъ обличеніямъ подвергались со стороны архипастырей подобными дѣвственницами. Особенно сильно вооружались противъ сожительства дѣвственницъ съ мужчинами св. Григорій Богословъ и св. Іоаннъ Златоустъ.

писалъ Зеньковъ Ковылину, здравствующимъ умомъ: оныя св. дѣвицы своимъ благимъ изволеніемъ дѣвство сохраняли Бога ради; аще и въ міру были, а сабригъ коломенскихъ и кумапныхъ не заводили. Къ тому же и рука была освященная, и было кому заключать бракъ жениха и невѣсты по чину церковному вѣчаніемъ; а тѣ дѣвицы сами не восхотѣли своимъ добрымъ произволеніемъ замужъ идти. Нынѣшнія же дѣвицы ремесленныя не такимъ произволомъ живутъ, чтобъ Бога ради хранить дѣвство, но подъ неволю отцевъ и матерей пребываютъ и не даютъ имъ (отцы и матери) своего благословенія къ законному браку. Нынѣшнія дѣвицы свободѣ блудной отдаются не вашей одобрительности, обаче подъ прикрытіемъ вида дѣвческаго; а все то дѣлается по приказу вашикъ своерасудимыхъ духовныхъ отцевъ, и потому неспростойно мѣнять св. дѣвицъ съ кумѣшными ремесленными, ибо отстоятъ однѣ отъ другихъ, елико небо отъ земли“. Зеньковъ, какъ человѣкъ, принадлежавшій до перехода на сторону Покровской часовни къ Преображенскому кладбищу и слѣдовательно лучше всякаго Поморца знавшій заупокойную жизнь Федосѣевцевъ, могъ бы и ограничиться указанными разсужденіями при опроверженіи словъ Ковылина, будто обитатели и обитательницами Преображенскаго кладбища живутъ вмѣстѣ „кримъ всякаго презорства“. Но, не ограничиваясь заявленіемъ о Федосѣевскомъ развратѣ въ качествѣ очевидца и свидѣтеля, онъ старается доказать несправедливость увѣренія Ковылина еще ображеніями простаго, здраваго смысла. „Легче, писалъ онъ, со дьяволомъ часто срѣтаться, нежели съ доброличными женами; преложно бо есть естество человѣческое и удобно на зло предлагается; по сему великое

есть прелюбодѣйство, еже со женами жителствовати... Вложивъ бо кто огонь въ нѣдра своя, ризь своихъ не сожжетъ ли? И аще кто ходитъ по углю огненному, не сожжетъ ли ноги своя? Постави свѣщу въ сѣно, обращается онъ къ Ковылину, и аще возможеши, рци ми, яко не можетъ сгорѣти: по сему како ты допускаешь дѣвственникамъ и дѣвицамъ въ одной хранигѣ жити и пишешь намъ, яко сіе творится, кромѣ всякихъ зазоровъ? Чудо у тебя Илья: и сѣно сухое не горитъ, вы и на углѣхъ стоите, а ногѣ ваши не сожигаются“ (1). Наконецъ независимо отъ изложенныхъ соображеній Поморцы указывали Ѳедосѣевцамъ еще на то обстоятельство, что ихъ дѣвство, какъ вынужденное и не добровольное, не только не угодно Богу, а напротивъ оскорбляетъ святость и благость Творца. „Дѣвственная жизнь ведетъ челоуѣка къ совершенству и бываетъ угодна Богу, писалъ Анисимовъ, только тогда, когда челоуѣкъ безъ всякаго принужденія, совершенно произвольно отказывается отъ брака: но какъ скоро дѣвство становится необходимостію, оно перестаетъ быть добродѣтельнымъ и недостойно никакой похвалы. Бракѣмъ ты не сочтася, но не въ томъ дѣвство есть, ибо аще кто, имѣя власть въ бракосочетаніе вступить, но однако не вступаетъ, таковую могу наречи дѣвою. Когда же запрещеннымъ ты именуеши быти сіе дѣло, то уже добродѣтель оная не по твоему произволенію бываетъ, но по нуждѣ закона“. Продолжая развивать ту же мысль, Анисимовъ сравнивалъ Ѳедосѣевцевъ, по неволѣ пребывавшихъ въ наружномъ дѣвствѣ, со скопцами. „Якоже скопцевъ, писалъ онъ, въ разсужденіи дѣвства нѣтъ

(1) Письма Зенькова—тамъ же.

за сіе хвалить не можетъ, что они не женятся, тако
ниже васъ; ибо что у тѣхъ по нуждѣ естества бываетъ,
то у васъ отъ развращенной совѣсти⁴. Скопецъ не всту-
паеть въ бракъ вслѣдствіе тѣлеснаго недостатка, а
„вамъ дьяволъ, лишивъ правильнаго разсужденія, без-
брачными быти нужду положилъ. Возбраняеши жениться,
сего ради мады не принадлежитъ тебѣ, но еще осужде-
ніе и казнѣ“, потому что, презирая бракъ и слѣдова-
тельно самое естество человѣка, Ѳеодосѣевцы тѣмъ са-
мымъ оскорбляютъ святость и благость Творца, пове-
лѣвшаго — растися и множитися и „нарицають его
злыхъ вещей сотворителемъ“. Требуя отъ всѣхъ безу-
словнаго дѣвства, они являются чрезъ это хуже іудеевъ,
даже хуже язычниковъ. „Къ кому убо причтемъ васъ,
спрашивалъ онъ? Къ іудеямъ ли, но не примуть сіи,
яко чтутъ супружество и Божіе твореніе хвалятъ; къ
намъ ли убо, но не восхотесте послушати Христа чрезъ
Павла глаголюща: честенъ бракъ и ложе нескверно.
Остается наконецъ съ язычниками точію поставити васъ,
но и тіи отвергнутъ, яко нечестивѣйшихъ паче себе.
Платонъ бо философъ утверждаетъ, что благъ той, кто
сію сотворилъ вселенную и что благій ни въ чемъ злобы
имѣти не можетъ“. Дьяволъ и аггелы его, вотъ кто,
по мнѣнію Анисимова, сообщникъ Ѳеодосѣевскаго ученія
о всеобщемъ безбрачїи (1).

Таковы въ общихъ чертахъ разсужденія Поморцевъ,
которые они направляли противъ исключительности Ѳе-
одосѣевскаго безбрачїа. Эти разсужденія такъ просты и
ясны, такъ согласны съ словомъ Божиимъ, съ ученіемъ
Церкви и съ здравымъ смысломъ, что не признавать ихъ

..(1) „О раздѣленїи христіанъ“, рукоп. публ. библи. № 38; снес. споры
бесн. преобр. владб. и покр. час. о бракъ, стр. 49—50.

справедливости значило бы намеренно идти против истины. И самъ Ковылинъ, какъ ни мало дорожилъ онъ истиною, не могъ не сознаться, что въ словахъ Поморцевъ есть правда. Почему же онъ не согласился съ Покровской часовней и не допустилъ въ своей общинѣ брака? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ будетъ служить дальнѣйшее изложеніе возраженій, которыя дѣлали Ѳедосѣевцы противъ браковъ Покровской часовни, и которыя Поморцы старались опровергнуть въ своихъ апологетическихъ сочиненіяхъ, защищая правильность своихъ безсвященнословныхъ (т. е. заключавшихся безъ церковнаго вѣнчанія) браковъ.

Одно изъ главныхъ возраженій, какія дѣлали Ѳедосѣевцы Преображенскаго кладбища противъ всѣхъ увѣреній Поморцевъ въ необходимости брачной жизни, состояло въ томъ, что у Ѳедосѣевцевъ, какъ и у Поморцевъ, нѣтъ правильнаго священства и слѣдовательно некому заключать браковъ. „Мы возбраняемъ бракъ и требуемъ отъ всѣхъ дѣвства, говорили бракоборцы, не потому, чтобы гнушались брака и въ дѣвствѣ признавали единственный путь ко спасенію, достойный истиннаго христіанина, а въ слѣдствіе необходимости — по неимѣнію православныхъ пастырей, которые одни имѣютъ право совершать тайну брака“. Съ перваго взгляда указанное возраженіе представляется неопровержимымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бракъ есть таинство, а законные строители таинъ Божіихъ суть лица іерархическія; то можетъ ли быть рѣчь о бракѣ въ обществѣ, которое не имѣетъ у себя пастырей церкви? Но по внимательномъ разсмотрѣніи дѣла съ безпоповщинской точки зрѣнія, возраженіе Ѳедосѣевцевъ оказывается весьма и весьма слабымъ. И вотъ почему. Признавая законными

совершителями таинствъ только пастырей церкви, Θεодосѣевцы однакоже, не имѣя у себя священства, имѣютъ въ своемъ обществѣ нѣкоторые таинства, и именно: крещеніе и покаяніе, которые совершаются у нихъ мірянами. Значить, по ихъ собственному суду, отсутствіе іерархіи въ какомъ либо христіанскомъ обществѣ не ведетъ еще необходимо къ отсутствію въ немъ и таинствъ. Θεодосѣевцы говорятъ, что, не смотря на неимѣніе у себя священныхъ лицъ, они допустили въ своемъ обществѣ таинство ярещенія и покаянія—потому, что эти таинства, въ случаѣ нужды, можетъ будто бы совершать, по правиламъ церковнымъ, и мірянигъ. Поморцы утверждаютъ, что на основаніи примѣровъ древности, въ случаѣ нужды, и бракъ можетъ быть заключенъ правильно безъ священническаго вѣнчанія. И вотъ, чтобы доказать свою мысль, Поморцы прежде всего указываютъ на исторію ветхозавѣтную и, начиная съ Адама, перечисляютъ все благочестивые браки праотцевъ, указываютъ на Сива, Еноха, Ноя, Авраама, Исаана, Іакова, Моисея, Товію, „ему же споспѣшествова въ бракосочетаніи Ангелъ Рафаилъ“, Захарію и Елисавету, Іоакима и Анну, и заключаютъ: „сіи вси бракосочуженіи были, но чина вѣнчанія, яковъ положенъ въ церковныхъ грекороссійскихъ потребникахъ, на всѣхъ оныхъ не было“. Переходя за тѣмъ къ первымъ временамъ христіанской Церкви, Поморцы говорятъ, что и въ новомъ завѣтѣ о церковныхъ молитвословіяхъ и вѣнчаніи брака не упоминается, и что бракъ, который Господь освятилъ своимъ присутвіемъ, совершешъ былъ также безъ вѣнчанія.“ Бракъ бысть въ Канѣ Галилейстѣмъ. Скажи, государь мой, оный бракъ, на которомъ былъ Христосъ, съ вѣнчаніемъ іерейскимъ

онъ былъ, или безъ вѣчанія? Ежели съ вѣчаніемъ былъ, то который апостолъ и евангеліе во время того брака читали, также и какіе на вѣчаніи стихи тогда пѣли, и кто чинъ вѣчанія составилъ, самъ Христосъ, или апостолы? А ежели тогда оный бракъ былъ безъ вѣчанія іерейскаго, то въ чемъ же того брака состояла сущность? Нынѣ таковой бракъ, бываемый у насъ безъ вѣчанія пресвитерскаго, сравниваютъ его со сквернымъ блудомъ, и Самого Христа, Сына Божія—Евангельское преданіе—бракъ безъ вѣчанія отвергаютъ, и въ число еще его бѣсовскаго дѣла блуда вчиняютъ“. Продолжая развивать ту же мысль, защитники безсвященнословныхъ браковъ говорили, что молитвы на вѣчаніе составлены не Христомъ и не апостолами, а св. отцами, и притомъ спустя довольно времени по Рождествѣ Христовомъ; слѣдовательно онъ не составляли прежде существенной необходимости при заключеніи брака и въ церкви христіанской. Въ подтвержденіе того, что въ первенствующей церкви браки заключались безъ молитвословій и пресвитерскаго вѣчанія, Поморцы, подобно Ив. Алексѣеву, ссылались на Діонисія Ареопагита: „св. священно-мученикъ Діонисій Ареопагитъ, описывая въ своей книгѣ содѣваемые тогда церковныя чинодѣйствія и не только къ тайнамъ принадлежащія, но и къ постриженію иноческаго образа и погребенію священныхъ и мірскихъ челоуѣковъ потребная, описалъ все съ довольномъ изъясненіемъ. А о чинодѣйствіи съ молитвословіемъ брака ничего не упомянулъ“ (1). Къ свидѣтельству св. Діонисія Поморцы

(1) Въ эти свидѣтельства раскольниковъ взяты нами изъ статьи: „о церковномъ благословеніи и вѣчаніи брака (противъ новоженцовъ), сотвор. св. отц. 1858 г. кн. 2; слес. сочин. Скакова, „разсмотрѣніе отвѣта на вопросъ“, рукоп. публ. библиот. № 26.

присовокупляли свидетельства „Матеея Канониста и Севаста Арменопула“, изъ которыхъ будто бы видно, что даже въ IV в., при св. Василии В., браки заключались безъ священнословія: „Матеей Канонистъ, писавшій Свачковъ, въ главѣ 8 въ толкованіи 38 правила Василия В., явственно показуетъ, яко тогда упоминаемые имъ браки кромѣ всякаго священнословія состояшеса; тоже и Севасть Арменопулъ въ книгѣ 8 объясняетъ, яко тогда съ соизволеніемъ, а не съ священнословіемъ браки состояша, но зазрѣнія ни отъ правилъ, ни отъ закона, ни отъ кого не бывало“ (1). Простыряя свои измысленія еще далѣе, Поморцы указывали на слѣдующую заповѣдь царей Льва и Константина: „аще ли по стѣсненію, или за смиреніе не возможетъ кто удобопріятно и написанно составить бракъ, и не написаннѣ составляетъ бракъ безлестно съ изволеніемъ сочетающихся лицъ и ихъ родителей, аще же въ церкви, сіе чрезъ благословеніе, или при любимичѣхъ пятихъ, узнательствуется“,—и на основаніи этихъ словъ утверждали, что даже въ VIII в. „бъ содѣйствію законнаго брака не только потребенъ былъ Іерей, якоже согласіе жениха и невѣсты, владычествующихъ воля, зарученіе свидѣтелей. И сіе: или въ церкви благословенія ради, или предъ други пятими, ясно означаетъ, яко тогда бракъ законный былъ равно почитаемъ, аще чрезъ вѣнчаніе дѣйствованный, аще и кромѣ вѣнчанія съ соблюденіемъ вышешюманутыхъ принадлежностей бываемый“ (2). Наконецъ въ самыхъ опредѣленіяхъ брака, какія находятся въ разныхъ старопечатныхъ книгахъ и которыми мы отчасти указывали при изложеніи ученія Ивана

(1) Споры безпоп. преобр. ил. и Покр. часовни о бракъ стр. 20.]

(2) Твор. св. отц. 1858 г. кн. 2, стр. 267.

Алексѣева (1), Поморцы старались найти основанія для той мысли, что пресвитерское вѣнчаніе не составляет существенной принадлежности брака, и что „возможность устроить брак состоитъ во власти брачующихся токмо“. Такъ на вопросъ: „что есть матерія брака, т. е. изъ чего бракъ производится“, Поморцы отвѣчали словами Коричей: „вещь сія тайны есть мужъ и жена, въ приобщеніе брака честно кромѣ всякаго препятія правильнаго совокупитися изволяющіи“ (2), и словами Большаго катихизиса: „вещество сей тайны—сопрягающіи“ (3). Это опредѣленіе матеріи брака, по словамъ Поморцевъ, совершенно справедливо и достаточно: „ибо всегдашній опытъ доказываетъ, что когда есть женихъ и невѣста, то изъ того всегда и бракъ производится, аще же нѣтъ жениха и невѣсты, то и бракъ не можетъ состояться“. А это значитъ дажѣ, по мнѣнію Покровцевъ, что изъ понятія о матеріи брака вовсе не слѣдуетъ, что онъ долженъ совершаться съ благословенія священника. Изъ тому же заключенію приводятъ Поморцевъ и опредѣленія указанныхъ книгъ формы брака. По Большому катихизису, „видотвореніе“ брака составляютъ „онна брачующихся глаголы, яко по любви сопрягаются и обѣтоваются“; по Коричей, „форма“ брака „сіестъ образъ или совершеніе“ его „суть словеса совокупляющихся, изволеніе ихъ внутреннее предъ іереемъ извѣщающая“. „Если бы, замѣчали Поморцы по поводу этихъ опредѣленій формы брака, отъ священника простого браку совершенство, то сими свидѣтельствами было бы сказано: браку совершенство должно получить

(1) Хр. чт. 1866 г. авг. стр. 857—8.

(2) Корич. ч. 11. гл. 50 л. 196.

(3) В. К. л. 391.

отъ іераа, а не предъ іереевъ; ино-бо ивъ, ино-бо предъ нимъ. Посему возможность, дарующая браку полный образъ, есть только взаимное обязательство брачующихся, выражаемое словами: хощу, беру, иду, моею властію“. Священникъ въ этомъ случаѣ есть не больше, какъ свидѣтель, подобный многимъ. Намонецъ въ словахъ Божіаго записки о „дѣйствителѣ“ (т. е. совершителѣ) брака: „дѣйственикъ сея тайны первое убо самъ Господь Богъ, якоже Моисей боговидецъ пишетъ: в благослови я Господь Богъ глагола: растчтсся и множитсся и исполнится земля, еже и Господь во Евангеліи утверждаетъ, глаголюй: еже Богъ сочета, чловѣкъ да не разлучаетъ; посемъ сами брачующіися сію себѣ тайну дѣйствуютъ, глаголюще: азъ ти посягаю въ жену мою, азъ же тебе посягаю въ мужа моего“ (л. 392). Поморцы находятъ самое твердое основаніе думать, что бракъ можетъ быть законно заключенъ и безъ священника. „Симъ доказательствомъ о дѣйствителѣ законнаго брака, писалъ Скачковъ ⁽¹⁾, всѣ сомнѣнія уже въ насъ рѣшаются. Здѣсь всякъ, кто имѣетъ чувство слуха и зрѣнія, ясно усматриваетъ, что возможность устроить бракъ состоитъ во власти брачующихся токмо. Кто же будетъ такъ мало правосуденъ, чтобы сію истину не утвердить въ ея справедливости, видѣвъ здѣсь ои слова: дѣйственикъ брака первое убо самъ Господь Богъ, и по семъ сама брачующіися. Или и сіе кого не увѣритъ, что достоиніе брака бываетъ отъ тѣхъ, иже входятъ въ то достоиніе; а входятъ въ оное женихъ и невеста токмо, а не иной къ томуъ еще кто. А тѣмъ и такимъ образомъ они себою бракъ производятъ,

(1) „Защитеніе церковнаго разумія“. Рук. публ. библ. по отч. браков. № 33.

то тутъ же и сіе изъясняется, что общинъ изволеніемъ, а не инымъ еще чѣмъ. Да и въ сего и сіе еще замѣчается, что писатели католицистовъ, хотя и сами были священнаго чина, однакожь какъ сей не былъ и не можетъ быть дѣйствителемъ брака, то сами же они въ дѣйствители брака іерея не помѣстили“.

Въ заключеніе Поморцы свою мысль о несущественномъ значеніи для брака пресвитерскаго вѣнчанія подтверждали слѣдующимъ соображеніемъ простаго здраваго смысла: „женитва ни въ вѣнчаніи, ниже въ священнымъ православной церкви молитвахъ состоятъ единственно не можетъ за тѣмъ, что если только найдутъ законныя причины, препятствующія сопряженію, то юта бы женихъ и невѣста были и вѣнчаны, также и правое на нихъ совершалось священнословіе; однакъ такой бракъ, какъ противный Закону Божию и не содержащій въ себѣ согласія, святыми отцами именно опровергается и разрушается. Если же въ правильномъ священнословіи твердости брачнаго союза не находится, то слѣдуетъ намъ находить другія непреоборимыя брачныя свойства, которыя бы ни духовная, ниже гражданская власть совершенно нарушить не могла.“ Такого свойства—„чистосердечная, самопроизвольная, по Божию благословенію въ вѣчно нераздѣльное сожитіе любовь и взаимное другъ къ другу согласіе, безъ котораго бракъ не состоялся, не состоится и состояться не можетъ“; слѣдовательно „сія принадлежность къ браку необходима и она въ бракъ находится едина“. И чтобы окончательно разсѣять всѣ недоумѣнія, какія неизбежно возникаютъ при мысли о несущественномъ значеніи для брака пресвитерскаго вѣнчанія, Поморцы указывали на слова Ап. Павла: *честна женитва во всѣхъ и доже нескверно*

(Евр. XIII, 4) и на основаніи слова: *во есѣхъ* утверждали, будто апостолъ считалъ одинаково законными браки какъ христіанскіе, такъ и языческіе, совершавшіеся, разумѣется, не по чину православной Церкви. „И учитель вселенныя, писали они, Ап. Павелъ женитву не токмо въ христіанахъ, но и во всѣхъ народахъ похваляетъ: честна женитва во всѣхъ и ложе не северно. И симъ словомъ: *во есѣхъ* объемлетъ не только христіанскую женитву, но и у язычниковъ законно отправляеміи браки“ (1).

Почему же послѣ этого бракъ называется у апостола *тайною* великою во Христа и во Церковь и какое значеніе имѣетъ пресвитерское вѣнчаніе? Бракъ называется тайною, отвѣчали запитники безсвященнословныхъ браковъ, не въ смыслѣ таинства, въ которомъ чрезъ пресвитерскіе вѣнчаніе и благословеніе сообщается брачующимся благодать св. Духа и „не по обрядамъ нагимъ-либо молитвословнымъ, или вѣнченоснымъ великолѣпностямъ, но по святѣйшимъ свойствамъ Христова съ Церковью соединенія, по теплѣйшей связи законосочетавшихся“, и именно: а) „по соединенію: Христосъ Спаситель снисшелъ въ міръ къ невѣстѣ своей св. церкви и соединился съ нею; такъ и законобращующіеся оставляютъ своихъ родителей и соединяются другъ съ другомъ; б) по превосходству власти: зане мужъ глава жены, якоже и Христосъ есть глава Церкви; в) по покорности: якоже Церковь повинуется Христу, тако и жены должны повиноваться своимъ мужемъ; г) по любви: мужіе любите своя жены, якоже и Христосъ возлюбилъ Церковь; д) по промыслу: промыслий и ты о женѣ,

(1) „О таинствѣ законнаго супружества“; смес. „одухъ бутылъ“, — соч. Слэчкова.

якоже Христосъ о Церкви; е) по неразлучности: Христосъ вѣчно пребываетъ съ Церковію, и жена отъ мужа не разлучается; ж) по вѣчности пребыванія: Церковь вѣчно пребудетъ, и таинство брака продолжится до самаго скончанія міра¹⁾. Что же касается вѣчанія, то оно, по словамъ Покровцевъ, „не есть тайна, ниже содѣйствіе въ тайну бракъ претворяющее, а есть только благоблгошное украшеніе, случайно устроенное“, или, какъ выразался Любопытный, „каволическая церковъ (т. е. поморская безпоповщина) великолѣпное вѣчаніе и пышныя мины съ священнословіемъ почитаеътъ ни за что иное, какъ за вѣшній предметъ, обуздывающій невольство и наглость и представляющій видъ политиче- ский, а не за такое дѣйствіе, по мнѣнію нѣкоторыхъ неосновательныхъ людей, что будто сей церемоніаль пре- обравуетъ бракъ въ самое его существо“²⁾. Въ под- твержденіе такого взгляда на вѣчаніе Поморцы при- водили между прочимъ слѣдующія слова Максима Грека: „а вѣнды, имже вѣнчаютъ свадьбы, по моему догаду, а по уставу писанному не умѣю тебѣ сказать, — не слы- чалось мнѣ видѣть толку о семъ; — обаче елико воз- можно догадаться, глаголю тебѣ: понеже убо писано во псалмѣхъ: жена твоя яко лоза плодовита и проч. лозіе же виноградъ есть, изъ него же ягоды виноточны, глаголемыя по—татарски изюмъ, а по писанію—гроздіе. Сего ради св. отцы установили вѣнчати лозою вино- градною, а не березною, поминающе тѣмъ образомъ пло- доносіе добрыхъ дѣлъ къ Богу“³⁾. Изъ этихъ словъ

¹⁾ Споры безпоп. преобр. кн. и покр. час. о бракѣ стр. 16; спес. „Защитеніе церковнаго цѣломудрія“, — рукоп. публ. библ. № 33.

²⁾ „Брачное вѣчаніе“, — см. смѣл. разс. ест. ч. II, стр. 305.

³⁾ Споры безпоп. Преобр. кн. и Покр. час. о бракѣ стр. 21.

Поморцы выводили то заключеніе, что вѣнцы возлагаются на брачующихся не потому, чтобы они сообщали силу браку, а съ цѣлю преподать брачующихся назидаеніе (1).

Всматриваясь внимательно въ эти разглагольствія Поморцевъ Покровской часовни о бракѣ, нельзя не замѣтить, что въ нихъ нѣтъ почти ничего самостоятельнаго и новаго сравнительно съ тѣмъ, что о томъ же предметѣ сказано было еще Иваномъ Алексѣевымъ. Значить, его книга: „о тайнѣ брака“ не прошла безслѣдно между безпоповцами—и послужила Поморцамъ хорошимъ пособіемъ въ полемикѣ ихъ съ Фодосѣвцами. Но за то дальнѣйшая борьба Поморцевъ съ Преображенцами принадлежитъ исключительно имъ однимъ, хотя возраженія Фодосѣвцевъ оставались тѣже, какия они дѣлали и Алексѣеву. Это.—потому, что Алексѣевъ, какъ мы видѣли, не смотря на признаніе пресвитерскаго вѣнчанія дѣломъ несущественно-важнымъ для брака, все-таки считалъ необходимымъ соблюденіе этого „всепороднаго обряда“ и для этого совѣтовалъ своимъ послѣдователямъ, за неимѣніемъ православной іерархіи, вѣнчаться въ церкви еретической (т. е. православной),— между тѣмъ какъ Поморцы Покровской часовни, отнявъ у брака таинственное его значеніе, смотрѣли на пресвитерское вѣнчаніе не больше, какъ „на случайное украшеніе“, и признавали существованіе брака въ одномъ „вѣчномъ обвѣтѣ сожитія сочетавающихся лицъ“ (2). А послѣ этого весьма понятно, что все возраженія Фодосѣвцевъ, состоявшія главнымъ образомъ въ указаніи

(1) „Разсмотрѣніе отвѣта на вопросъ“,—рукоп. публ. библ. № 26.

(2) Кагал. Люб. стр. 109, № 417.

свидѣтельствъ древности о необходимости для брака пресвитерскаго вѣнчанія, для Алексѣева, не отвергавшаго этого вѣнчанія, не имѣли никакого значенія, тогда какъ для Поморцевъ Покровской часовни имѣли полную силу и важность. Какъ же отвѣчали на эти возраженія разные Скачковы, Заяцевскіе и другіе?

Первое изъ свидѣтельствъ, которое указывали Феофанцы въ подтвержденіе своей мысли о томъ, что бракъ не можетъ быть заключенъ безъ участія въ немъ лица священнаго и что, слѣдовательно, браки Покровской часовни, заключавшіеся миряниномъ, незаконны, заимствовано было ими изъ посланія св. Игнатія Богоносца къ Поликарпу и состояло изъ слѣдующаго изреченія св. отца: „подобаетъ жениющимся и посягающимъ съ волею епископа сочетаватися, да бракъ будетъ о Господѣ, а не въ похоти“. На эти слова, прямо указывающія на церковное сочетаніе брака, Поморцы отвѣчали слѣдующее: „поелику тогда святія простой народъ привязывали къ чину священному, дабы тверже были въ благовѣрїи, то безъ воли ихъ ничего и дѣйствовать не позволявали. О власти епископа тако пишетъ св. Игнатій въ посланіи къ смирянамъ: не лѣтъ есть безъ епископа ни крестити, ни предложенія творити, ни жертвы проскомисати, ниже церковныхъ пировъ совершати. И тако поему, ежели бракосопрягающимся безъ воли епископа сочетаватися не должно и не возможно, то ниже крестити, ни церковныхъ пировъ совершати, ни дѣйствовать никакъ не возможно. Но аще ли безъ епископа дѣйствовать и крестити въ надлежащихъ случаяхъ возможно (какъ это и бываетъ у Феофанцевъ, а равно и у всей безпоповщины), а потому и законно брачаться безъ епископа убо и безъ вѣнчанія такожде воз-

можно и действительно“, — гнѣть болѣе, что „св. Игнатій глаголетъ: съ волею епископа должно сочетаватися, а не вѣнчатися“. Смыслъ этихъ разсужденій ясенъ. При сдѣланномъ Поморцами объясненіи побужденій, по которымъ древніе св. отцы не позволяли христіанамъ ничего дѣлать безъ воли епископа, и при сопоставленіи Покровцами словъ св. Игнатія объ участіи епископа въ заключеніи брака съ общимъ ученіемъ св. отца о значеніи въ церкви епископской власти, Ѳедосѣвцамъ не оставалось ничего болѣе, какъ или признать самихъ себя нарушителями древняго церковнаго порядка, узаконнаго св. Игнатіемъ, или согласиться, что безсвященнословные браки Покровцевъ — законны, — по крайней мѣрѣ на столько, на сколько законно напр. Ѳедосѣевское врещеніе, совершаемое, вопреки ученію св. отца, безъ воли епископа — простыми мірянами, и — даже самое дѣвство бравоборцевъ, также не освящаемое ни согласіемъ, ни благословеніемъ епископскимъ. Такимъ образомъ оружіе, направленное Ѳедосѣевцами противъ Поморцевъ, обрушилось, благодаря умѣнью послѣднихъ вести борьбу, на ихъ собственную голову.

Не ограничиваясь словами св. Игнатія, Ѳедосѣевцы въ подтвержденіе своей мысли, что браки Покровской часовни, какъ заключавшіеся безъ пресвитерскаго благословенія и вѣнчанія, не законны, ссылались еще на слѣдующія слова царя Алексѣя Комнина: „елико аще безъ священныхъ молитвъ своя рабы на сочетаніе брака совокупающе, не боголюбивъ бракъ составляютъ имъ, но блудническое смѣшеніе утверждаютъ. Ихъ же бо не совокуи Богъ, священными молитвами призываемъ, тѣи вси сходятся на грѣхъ“ (1). Противъ этихъ

(1) Старои. Корич. ч. II. л. 360 об.

словъ, ясно показывающихъ незаконность безсвещенно-словныхъ браковъ, Покровцамъ, повидному, трудно было сказать что-либо дѣльное въ свое оправданіе. И однакоже умные Поморцы сумѣли ослабить силу и этого Феодосѣевскаго возраженія. Вотъ что писали они по поводу вышеприведенныхъ словъ царя Алексея Комнина: „надлежало бы вопросодателю прежде взяти оную книгу (т. е. Коричую), разогнувъ прочести, и взяти смыслъ рѣченій тѣхъ и вознати: кто, когда, кому и для чего писалъ,—тогда бы въ доводъ оное приводити“. Рѣшая за тѣмъ указанные вопросы, Поморцы говорили: „писалъ сіе установленіе греческій царь Алексѣй Комнинъ, воцарившійся по воплощеніи Христовѣ въ лѣто 1081, а умершій въ 1118 лѣто,—писалъ, когда Церковь греческая пребывала въ мирномъ состояніи, когда не имѣлось въ дѣйствіи таянъ инаковыхъ недостатковъ, когда молитвенные храмы, церкви глаголемъ, величественно украшахуся, когда пребывающіи въ нихъ архіереи и прочіи священно-служители въ полномъ и совершенномъ количествѣ пребывали,—писалъ онъ того ради, да будетъ какъ и въ прочихъ тайнахъ, тагъ и въ бракосочетаніи, одинаковое дѣйствіе надъ всѣми, и чтобы рабы свободяемы были, яко и господіе, молитвословія іерейскаго; ибо до того времени едины господя токмо сподобляхуся іерейскаго благословенія, а рабовъ своихъ до сего не допускали, чтобы они не были свободны. Алексѣй же Комнинъ, желая таковой обычай намѣнить и таковое неравенство между единовѣрными прекратити, присвокупилъ для сего таковое зареченіе: кромѣ священнословія совокупляющіеся на грѣхъ сподятся, и аще се отъ кого-либо сотворится, да вѣдаютъ господіе, а рабъ своихъ чужди будутъ“. Та-

кимъ образомъ Покровцы, какъ показываютъ приведенныя разсужденія ихъ, старались ослабить силу закона Алексѣя Комнина указаніемъ на позднее происхожденіе его и тѣмъ предположеніемъ, что постановленіе о вѣнчаніи сдѣлано было царемъ только для соблюденія единообразія въ церковномъ устройствѣ, чтобы „тѣмъ составить бѣльшее украшеніе церковнаго благолѣпія и ввести лучшій порядокъ въ чинодѣйствіяхъ“, что возможно и естественно было сдѣлать, благодаря мирному и цвѣтущему состоянію Греческой Церкви въ то время. Иное дѣло теперь, когда церковь (т. е. расколъ, считающій себя церковью) находится въ бѣдственномъ состояніи, когда раскольники—безиоковцы не имѣютъ у себя ни церкви, ни „единумудренныхъ православныхъ священнодѣйствителей“; тутъ не до „молитвословія, яко украшенія бракосочетаній бывающаго“, а лишь бы соблюдалось главное и существенное въ бракѣ, т. е. взаимная любовь жениха и невѣсты и согласіе на бракъ ихъ родителей; и „совокупляющіеся тако, яко на грѣхъ сходящіяся, порицаемы быть не должны“ и не могутъ; потому, что если браки, совершаемые безъ благословія священника, до Алексѣя Комнина считались законными, — что показываетъ самое существованіе ихъ въ церкви до Комнина, то очевидно, что подобныя браки, по вѣщью заключаемые, не могутъ быть признаны незаконными и послѣ него. Последнее положеніе Поморцы доказывали слѣдующимъ разсужденіемъ: „когда Алексѣй Комнинъ издалъ повелѣніе считать законнымъ бракомъ совершаемый не иначе, какъ съ благословія священника, то переимѣнилъ ли сущность брака? Не переимѣнилъ: понеже всѣ сущности вещей, равно и брака, не измѣняемы. Сущность брака существовала отъ

Адама до Комнина и послѣ него до скончанія вѣка быть имѣть. Да и какъ возможно государю, такому же, какъ и прочіе, по существу человѣку, но токмо, яко начальнику въ воинскихъ и гражданскихъ дѣлахъ, отъ всѣхъ честію почтенному, — сущность брака отъ самаго Бога опредѣленную измѣнить? Посему и видимъ, что какъ прежде, такъ и послѣ Комнина, и въ невѣрныхъ и иновѣрныхъ, у коихъ священнословіе бывати не могло, браки пребывали неизмѣнно и отъ св. церковныхъ учителей именовались законными. Ибо по воспріятіи таковыми православныя вѣры ничего надъ ними церковными установленіями дѣйствовать не предано, ниже чинъ ваковъ, ниже молитвы изложены, но были оставлены тако, какъ были до воспріятія истинныя вѣры, безъ всякаго поправленія или навершенія, я прежде и послѣ узаконенія Комнина. Притомъ, если бы Алексѣй Комнинъ сущность брака перемѣнилъ, то о томъ какъ церковь, такъ и онъ самъ не умолчалъ бы, но также бы издалъ узаконеніе и объявилъ бы, что отъ этого времени приходящихъ отнѣ уже должно пріимати не тако, якоже бывало до того, но также бы, какъ и рабовъ, сирѣчь въ православной церкви браковѣдчати“ (1). А изъ всего этого Покровцы выводили такое заключеніе, что Алексѣй Комнинъ „законъ молитвословія къ браку въ непремѣнное содѣйствіе не предавалъ и не требовалъ“ и что „установленіе“ Алексѣя Комнина „къ ниспроверженію браковъ“, совершавшихся въ Покровской часовнѣ, „соприкасатися не можетъ“. Для православнаго богословствующаго ума слабыя стороны разсужденій Поморцевъ очевидны; но невѣж-

(1) Споры безп. Преобр. кн. и Покр. час. о бракѣ стр. 21—23; Твор. св. отцовъ 1858 г. кн. 2 стр. 247—252.

ственный умъ Феодосѣевцевъ ⁽¹⁾ ставился, какъ увидимъ, въ тупикъ предъ указанными разрядами Свачкова и подобныхъ ему.

„Аще не бываетъ на простыхъ людяхъ благословеніе вѣнчанія, но бояромъ токмо, и князи вѣнчаются, простымъ же людямъ, яко и меншицѣ, поймають жены своя съ плясаніемъ и гуденіемъ и съ плесканіемъ, разумъ даимъ всякъ и речемъ: иже простія закони простыцемъ и невѣжамъ си творять совокупленіе. Иже кромѣ Божественныя Церкви, кромѣ благословенія творяще свадьбу, тайно поиманіе наречеть. Иже ся тако поймають, якоже блуднымъ опитеміа дають“ ⁽²⁾. Это—слова всероссійскаго митрополита Іоанна II, святительствовавшаго въ XI в. (1080—1089), которыхъ Феодосѣевцы также указывали Покровцамъ въ доказательство того, что безсвященнословные браки послѣднихъ—не законны и суть ничто иное, какъ открытое блуддѣніе. Находчивые Поморцы не затруднились дать отвѣтъ и противъ этого возраженія бракорядцевъ: „оное изреченіе Іоанново, писали они, нынѣ дѣющимся брагамъ противопологаться не можетъ, ибо онъ глаголетъ не просто о совокупающихся, но о совокупающихся тайно; тайное же бракосовокупленіе, хотя и со іерейскимъ благословеніемъ и молитвословіемъ вѣнчаніемъ бываемое, есть незаконно, а особенно по 38 и 42 правиламъ Василія В., въ которыхъ онъ таковыя браки точно блудомъ именуеть. Чему слѣдуя и Іоаннъ митропо-

⁽¹⁾ Въ известіяхъ московскихъ наставниковъ Феодосѣевскихъ сохранился самъ Кошкинъ (Сборн. правит. свѣд. о раск. Кельсиев. вып. первый стр. 20).

⁽²⁾ Русск. достоп. ч. I с. 101. Кормч. въ библ. Троиц. Лавры XVI в. по описи 1795 г. № 2, л. 276 об.

лить русскій народъ: которые тайно будутъ помнати женой, тѣхъ, яко блудниковъ, наказывати... Тайное бракосочетаніе не токмо не освобождаетъ сочетавшихся отъ наименованія блудниковъ, но и священника, державшаго сіе сотворити, подвергаетъ наказанію. А къ тому тайное сопряженіе тогда иначе быть не могло, какъ токмо по причинѣ каковыхъ ли есть законныхъ препятствій, какъ-то: или безъ родительскаго благословенія, или безъ воли владѣтельствующихъ. Нынѣ же у правомудрствующихъ христіанъ дѣйствиемы браки бывають не тайно, но явно и съ родительскими благословеніемъ; посему и не могутъ подпадать подъ наказаніе блудниковъ, но суть законны и правильны". Нельзя не осознаться, что смыслъ, какой придали Поморцы свидѣтельству митрополита Юліана, невѣренъ; святитель говоритъ не о тайныхъ бракахъ, — что это за тайный бракъ, когда оныя сопровождался пѣсаніемъ, гуденіемъ и пѣсканіемъ, — но о бракахъ, заключавшихся безъ церковнаго благословенія; тѣмъ не менѣе на первый, по крайней мѣрѣ, взглядъ разглагольствія Подровцевъ могли показаться невѣжественнымъ Преображенцамъ совершенно правильными.

Наконецъ послѣднее доказательство незаконности безсвѣдочнословныхъ браковъ Покровской часовни Федосѣевцы думали найти въ словахъ нашихъ митрополитовъ: Максима и Фотія. Первый (1283—1305) писалъ: „пишу же и се дѣтемъ женой, и да вси чада моя пороженніи въ купели новосвященнѣй, и да держите женою отъ святыхъ, соборныхъ, апостольскихія церкви, зане жена спасенія ради чловѣческаго бысть. Аще же иже держите въ блудѣ, безъ благословенія церковнаго, то что ти въ помощь есть. Но и молися я нуди ихъ, аще

и стари суть и млади, да вѣнчаются въ церкви⁽¹⁾. Фотій въ 1410 г. писалъ архіепископу Іоанну и всему новгородскому духовенству слѣдующее наставленіе: „а который не во закону живеть съ женою, безъ благословенія поповска понялся, тѣмъ епитиміа три гѣта, какъ блуднику, да пакы совокупити ихъ; а учите и приводите ихъ въ православію, съ благословеніемъ почитаться съ женами; а же съ благословеніемъ всютятъ жити, то ихъ разлучити, а не послушаютъ, и вы, помы, не принимайте ихъ ни приношенія, ни дары имъ давайте, ни Вогородицмыа хлѣба“⁽²⁾. По поводу этихъ личныхъ свидѣтельствъ въ пользу церковнаго вѣнчанія брава Поморци не считали даже нужнымъ входить въ какія либо обстоятельныя и подробныя разсужденія, а только замѣчали, что митрополиты Максимъ и Фотій, жившіе уже послѣ Алексѣя Комнина, повторяли только то, что сказано было этимъ царемъ о церковномъ вѣнчаніи; слѣдовательно ихъ свидѣтельства имѣютъ еще меньше значенія, чѣмъ самая заповѣдь Комнина. „Все то, писали защитники безсвщеннословныхъ браковъ, отъ нихъ глаголюно было уже послѣ преданнаго отъ греческаго царя Алексія Комнина константинопольской патріархіи установленіе, убо и въ подражаніе онаго оное ими изречено было, а не во изъявленіе, или изъявленіе того, еже бракосочетанія безъ священнословія никогда, нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ быти не могло. Таковая, глаголюнъ, изреченія, согласная и къ преждепомянутому Іоанну, происходитъ начали же прежде онаго царскаго изреченія, но послѣ“⁽³⁾.

(1) Вышеознач. Корич. к. 296 об.

(2) Агты архіеогр. экон. т. I. № 369, с. 441.

(3) Твор. св. отцевъ 1858 г., кн. 2, стр. 273—4; спец. „Разсмотрѣніе отвѣта на вопросъ“, — рукоп. публ. библ. № 26.

Таковы главные возраженія, какія высказывали Федосѣевцы противъ безсвященнословныхъ браковъ Покровской часовни, и такъ отвѣчали на эти возраженія Поморцы. Если смотрѣть на дѣло безотносительно къ тѣмъ слѣдствіямъ, къ какимъ приходили Федосѣевцы и Поморцы на основаніи изложеннаго нами ученія ихъ, то нельзя не сознаться, что преимущество остается на сторонѣ первыхъ. Федосѣевцы, какъ читатель могъ видѣть изъ самыхъ возраженій ихъ, въ пониманіи брака стояли на строго церковной почвѣ и признавали бракъ таинствомъ, которое можетъ совершить только пастырь церкви; между тѣмъ какъ Поморцы, довольствуясь для заключенія своихъ браковъ благословеніемъ наставника—мірянина, хотя бы и соединеннымъ съ прочтеніемъ канона, апостола и Евангелія, и съ пѣніемъ молебна, очевидно, не придавали браку значенія таинства, а смотрѣли на него просто, какъ на гражданскій союзъ. Но если обратить вниманіе на тѣ уклоненія отъ нравственныхъ началъ, къ которымъ неизбѣжно вели различныя возрѣнія на бракъ Федосѣевцевъ и Поморцевъ, въ такомъ случаѣ невольно приходится стать на сторону послѣднихъ; потому что сожителство съ одною избранною женщиною, хотя-бы только на основаніи одного гражданскаго союза, все же лучше и выше блуда съ переменными любовницами, на который обрекало своихъ послѣдователей Федосѣевское ученіе объ обществѣ. Говоря же строго, какъ Ковылинъ, по неимѣнію православнаго съ безпоповщинской точки зрѣнія священства требовавшій отъ всѣхъ дѣвства, такъ и Покровцы, допустившіе по той же причинѣ въ своемъ обществѣ бракъ, не какъ таинство, а какъ гражданскій союзъ, были равно не правы. Что же касается въ част-

ности до рассуждений Поморцевъ, которыми они старались ослабить силу возражений Феофановскихъ противъ безсвятенословныхъ браковъ, то нельзя не согласиться, что противъ многихъ изъ нихъ Феофановскій, сами невѣрные церковному преданію, едва ли могли оказать что-либо дѣльное (1). Какъ же однако отнеслись гордые сознаниемъ своего дѣяства бракоборцы къ изложеннымъ нами выше соображеніямъ Поморцевъ о необходимости брачной жизни и о законности безсвятенословныхъ браковъ?

На Ковылина лично всѣ убѣжденія Поморцевъ не производили никакого дѣйствія. Введя въ свою общину безбрачіе не столько по началамъ религіознымъ, сколько по сектанскимъ и прагматическимъ расчетамъ, проводя самъ жизнь болѣе, чѣмъ свободную, Илья Алексѣичъ не обращалъ вниманія на рассужденія о бракѣ Попровцевъ, основанныя болѣею частію на ученіи слова Божія и свидѣтельствыхъ церковнаго преданія, и по-прежнему и самъ продолжалъ предаваться „неправственности по предмету удовлетворенія тѣла“, и на слабости своихъ подчиненныхъ смотрѣлъ съвоею палача, требуя отъ нихъ только наружнаго дѣяства. Но подобный порядокъ вещей не могъ продолжаться долго. Очиненія Попровцевъ въ пользу брачной жизни распространились болѣе и болѣе, попадали въ руки московскихъ Феофановцевъ и во многихъ изъ нихъ стали возбуждать сомнѣніе въ справедливости и законности безусловнаго дѣяства, къ которому обзывалъ всѣхъ и каждаго основатель Преображенскаго кладбища. Дѣло на-

(1) Разборъ и опроверженіе рассужденій поморцевъ касательно безсвятенословныхъ браковъ см. въ твор. св. отцовъ 1868 г. кн. 2, въ статьѣ „о церковномъ благословеніи и вѣчаніи брака“ (противъ Немежова).

конецъ дошло до того, что лучшіе изъ Ѳедосѣевцевъ, будучи не въ состояніи выносить безбрачія и въ то же время считая дѣломъ „зазорнымъ для совѣсти“ предаваться разврату, стали склоняться на сторону Поморцевъ и даже открыто становились подъ знамя, поднятое Покровскою часовнею (1). Неутѣшительныя извѣстія получались Ковылинымъ и изъ провинцій. Многогородные Ѳедосѣевцы, отличавшіеся еще большимъ невѣжествомъ, чѣмъ въ наемъ спокойно носили ихъ Московскіе единовѣрцы, были просто ошеломлены сочиненіями Поморцевъ, достигшими и провинціальныхъ городовъ. И вотъ изъ разныхъ мѣстъ начинаютъ приходить въ Москву посланія, въ которыхъ многогородные послѣдователи Преображенскаго кладбища слезно умоляютъ „христіанъ Московскихъ“ разрѣшить ихъ недоумѣніи о бракѣ, возбужденныя сочиненіями Покровской часовни (2). Очевидно, дѣло принимало такой оборотъ, что Ковылину волей—неволей приходилось расстаться съ своимъ олимпійскимъ спокойствіемъ; нужно было или признать, вмѣстѣ съ Поморцами, законность брачной жизни, или заставить Покровцевъ отказаться отъ ихъ ученія, чтобы оно не смущало неопытныхъ и невѣжественныхъ Ѳедосѣевцевъ. Далекій отъ мысли сознаваться въ своихъ погрѣшностяхъ, Ковылинъ рѣшился на послѣднее и сталъ употреблять всѣ позволительныя и не позволительныя средства къ тому, чтобы склонить Поморцевъ оставить ученіе о бракѣ. Съ этою цѣлю Ковылинъ созываетъ на Преображенскомъ кладбищѣ

(1) Споры безп. Преобр. кладб. в Покр. час. о бракѣ стр. 43.; сборн. для истор. стар. Попова, т. II, стр. 137 прилож.

(2) „Защита церковнаго дѣломудрія“, рукоп. публ. библ. № 33. отдалу бракоб. №33.

же—соборъ, на который приглашаетъ и Поморцевъ. Понимая, въ чемъ дѣло, увѣренные въ справедливости своего ученія, Покровцы съ радостію посѣщали въ молитвенный храмъ Преображенскаго кладбища, въ которомъ предположено было вести соборныя разсужденія. Но, къ удивленію ихъ, вмѣсто собесѣдованія о бракѣ Ѳедосѣевцы начинаютъ вести рѣчь „о царствованіи противника Божія антихриста въ мірѣ и образѣ бытія въ ономъ св. пророковъ Іліи и Еноха“ (1). Чрезвычайно странно было Поморцамъ слышать рѣчь о царствованіи въ мірѣ антихриста изъ устъ Ильи Алексѣича Ковыллина, владѣвшаго милліонами, имѣвшаго огромныя дома, проводившаго жизнь до того „пышною“, что за нее обличали его сами Ѳедосѣевцы (2); но догадливые Покровцы скоро смелнули, почему „любитель пышной жизни“ рѣшился рисовать предъ ними мрачныя и страшныя картины послѣднихъ временъ міра и царствованія въ немъ антихриста. Дѣло въ томъ, что, сонавая въ душѣ невозможнымъ представить что-либо серьезное въ опроверженіе умныхъ разсужденій Поморцевъ о необходимости брачной жизни, Ковыллинъ рѣшился дѣйствовать на нихъ страхомъ близкой кончины міра,—развивая ту мысль, что въ такое время, когда царствуетъ въ мірѣ врагъ Божій, долгъ истиннаго христіанина заботиться не о мірѣ, не о женѣ, если бы даже и можно было получить ее законнымъ образомъ, а о достойномъ приготовленіи себя къ встрѣчѣ Небеснаго Судіи. Нельзя сказать, чтобы пріемъ, къ которому прибѣгъ Ковыллинъ, желая подѣйствовать на Покровцевъ, былъ неудаченъ. Мысль объ антихристѣ, явившаяся въ расколѣ еще въ

(1) Кат. Луб. стр. 100—101, № 364.

(2) Сбор. для истор. стар. Помов. т. 11. прил. стр. 59.

первую пору его жизни и бывшая, какъ мы видѣли (1), одною изъ причинъ появленія въ безпоповщинѣ безбрачія, была сильна въ безпоповщинскомъ расколѣ еще и въ это время, о которомъ идетъ рѣчь. Не только досѣвѣды, но и весьма многіе изъ Поморцевъ, если не на практикѣ, то по крайней мѣрѣ въ теоріи, признавали мысль о царствованіи въ мірѣ сына погибели и писали по этому поводу разнаго рода сочиненія (2). Что оставалось дѣлать Поморцамъ при такой постановкѣ Преображенцами вопроса о бракѣ? Отвергнуть мысль объ антихристѣ значило съ одной стороны идти противъ общаго убѣжденія въ его пребываніи въ мірѣ, съ другой—пошатнуть зданіе безпоповщинскаго раскола въ самомъ его основаніи, такъ какъ только при мысли о царствованіи въ мірѣ человѣка беззаконія могутъ имѣть хотя нѣкоторый смыслъ заблужденія безпоповцевъ касательно Церкви, таинствъ и проч. Отказаться изъ-за мысли объ антихристѣ отъ брачной жизни значило съ одной стороны сознаться въ ложности своего ученія, съ другой—обрекать себя и своихъ послѣдователей на развратъ, во избѣжаніе котораго Покровская часовня и ввела у себя безсвященнословные браки. Изъ этого затрудненія вывелъ Поморцевъ учитель ихъ Василій Емельяновъ, которому по преимуществу и объявляла Покровская часовня своимъ ученіемъ о необходимости брачной жизни. Онъ объявилъ на соборѣ, что „относительно бытія антихристовъ въ мірѣ чувственно, или духовно“ онъ царствуетъ, спорить объ этомъ дѣло излишнее, такъ-какъ предметъ этотъ „не

(1) Хр. чт. 1866 г. Май стр. 528—538.

(2) Кат. люб. стр. 45, № 118, стр. 72, № 219, стр. 123, № 500. Сборн. для истор. стар. Пом. т. II, прил. стр. 78.

де вѣры принадлежить“ (1). Этимъ маневромъ давалась Покровцамъ возможность выйти изъ неловкаго положенія, въ какое поставили ихъ Федосѣевцы напоминаніемъ о царствѣ антихриста. „Положимъ, стали говорить Поморцы, ободренные словами Емельянова, что антихристъ уже царствуетъ въ мірѣ; но ничѣмъ нельзя доказать, чтобы онъ царствовалъ „чувственно“, какъ старались доказать это Федосѣевцы и нѣкоторые даже изъ Поморцевъ (2). Напротивъ, судя по тому, что „нынѣ есть время благоприятно, время свободы, а не принужденія и тѣсноты“, что „нынѣ слово Божіе не вѣстаетъ“ и истинные христіане (т. е. раскольники) не преслѣдуются, можно думать, что сынъ погибели владычествуетъ въ мірѣ только духовно, — заражая тлетворнымъ ядомъ ересей тѣхъ, кои покоряются ему. А если такъ, то нѣтъ никакого основанія отвергать брачную жизнь, такъ-какъ, по слову Божію и ученію Отцевъ, будетъ горе непраднымъ и долщимъ только во время чувственнаго царствованія человѣка беззаконія, когда послѣдователи Христа будутъ испытывать всевозможныя скорби (3), чего нынѣ нѣтъ“. Мы не знаемъ, какое впечатлѣніе произвели на Федосѣевцевъ эти разсужденія Поморцевъ, но извѣстно, что и послѣ этого собора Преображенцы по прежнему продолжали проповѣдывать безбрачіе, а Покровцы—необходимость брачной жизни.

Впрочемъ долгъ справедливости требуетъ сказать, что хотя послѣдователи Покровской часовни, послѣ соборѣ-

(1) Сборн. для истор. стар. Попова т. II прил. стр. 79.

(2) Тамъ же стр. 78.

(3) Мс. XXIV 3—41; Испол. въ сл. въ нед. масл. Соборн. л. 130, 133—4.

дованія съ Феодосѣвцами объ антихристѣ, не оставили своего ученія о необходимости брачной жизни, тѣмъ не менѣе вопросъ, — возможна ли брачная жизнь въ царство чловѣка беззаконія, продолжалъ смущать нѣкоторыхъ изъ нихъ до того, что они оставили Покровскую часовню и переходили на сторону Феодосѣвцевъ (1). Поэтому нужно было рассмотреть этотъ вопросъ обстоятельно, — на основаніи не однихъ соображеній ума, но и „отъ Божественнаго Писанія“. При множествѣ въ средѣ Поморцевъ умныхъ людей, дѣло это не представляло особеннаго затрудненія. И вотъ въ скоромъ времени являются у Поморцевъ сочиненія, въ которыхъ авторы ихъ со всею очевидностью доказываютъ, что, по слову Божию и ученію Отцевъ и учителей Церкви, браки будутъ существовать въ чловѣческомъ родѣ и въ царство антихриста — до самой кончины міра, и что противоположное мнѣніе не согласно „ни съ откровеніемъ, ни съ природою и ни съ которыми правовѣрными учителями, ниже съ православною Церковію“. Изъ многихъ „резонновъ“, которыми Покровцы доказывали вѣчно — до кончины міра существованіе брака въ чловѣческомъ родѣ, укажемъ слѣдующіе, болѣе другихъ ясные и основательные: „Христосъ Спаситель сазалъ: якоже бысть состояніе чловѣческаго рода въ дни праведнаго Ноя и блаженнаго Лота: женихуся, посягаху... Тако будетъ сіе и въ пришествіе второе Сына чловѣческаго (Мѣ. XXIV, 38). Но въ тогдашнія времена благословенное супружество въ священныхъ патріаркахъ и въ тысячахъ израильтянъ въ громкой славѣ разцвѣтало. Слѣдовательно и нынѣ оное въ истинныхъ христіанахъ непре-

(1) Кат. люб. стр. 142.

нѣвно должно существовать. Господь нашъ Иисусъ Христосъ говоритъ: горе неправдымъ и доющимъ въ тѣхъ (антихристовы) дни (Мѡ. XXIV, 19). Онъ сіе глаголетъ для того единственно, дабы оказать свое по челоѣнолюбію отеческое соображаніе въ утѣсненному челоѣчеству бѣдственными обстоятельствами будущиѣхъ времениъ. Но если нѣ въ сихъ священныѣхъ словаѣхъ допустить нѣніе тѣѣхъ развиривовъ, которые уничтожаютъ нынѣ существующіе законныѣ браки; то слѣдуетъ имъ сіе мѣсто переначить на свой грубый толкъ. Или-бъ выражено было оное тако: горе за неправдностъ и дояніе; то-бъ по справедливости сказать—на ихъ сторонѣ сей тріумфъ. А отъ сего ясно видно, что законно-священныѣ супружества нынѣ въ сущиѣхъ христіанаѣхъ должны непремѣнно быть. Св. Ипполитъ, описывая антихристовы времена, говоритъ: блудове и прелюбодѣйства землю исполнять (соборн. нед. мисоп. гл. 3, л. 122). Но прелюбодѣйство всегда бываетъ въ той церкви, гдѣ есть законныѣ супружества. Творецъ Большаго катихизиса, описывая примѣты предъ суднымъ днемъ, между прочимъ и сіе предсказаніе помѣстилъ, что въ тогдашніи времена христіане возлюбятъ бракъ безчинный, якоже во время Ноя вряжде потопа (гл. 23, знам. 14). А отъ сего положенія открывається, что въ православно-христіанскихъ Церкваѣхъ брачныѣ союзы господствовать тогда будутъ: потому что безчинный бракъ тамъ быть не можетъ, гдѣ нѣтъ правильныѣхъ супружествъ. Св. (блаженный) Евфиміанъ, рассматривая угнетенія Іерусалима и послѣ того о будущемъ пришествіи, сравнивая подобіемъ, говоритъ: „въ какомъ состояніи находился еврейскій родъ при Веспасіанѣ и Титѣ римскомъ: точно такое-жъ будетъ время и предъ суднымъ днемъ“

(Благов. гл. 31, л. 190). Но во время іерусалимскаго разоренія у иудовъ были тысячи законныхъ браковъ. Многие древніе мужи сравниваютъ первые христіанскіе вѣна съ тѣми, которые будутъ существовать при самомъ преставленіи міра (книг. о прав. вѣрѣ гл. 2, л. 30). Но въ тогдашнія времена брачные союзы раздѣляли. Василій В., выходя въ силу творческихъ словъ: „раститеся и множитеся“ и утверждая оное новозавѣтнѣе непрерывнымъ быть до переворота всего міра, воищетъ: „представьте въ умѣ своемъ глаголъ Божій, по всѣмъ тварямъ текущій, который тогда началъ и даже до нынѣ дѣйствуетъ и до конца продолжится, дождеже скончается міръ“ (Шестодн. бес. 9). Кириллова книга, описывая нѣкоторые знаки предъ самымъ суднымъ днемъ, говоритъ: „аще и въ работѣ у жерновъ *мужъ* или *жесла*, коты и *дѣломъ* и *машини* и у жерновъ работашни, — не презритъ Богъ тебе, и будешь вѣсть ангелами на небо“ (1). Всѣ эти „резоны“, по словамъ Пошорцевъ, ясно подтверждаютъ ту мысль, что „законные браки въ христіанствѣ есть и должны быть до кончины міра“ (2) и что утверждать противное мнѣніе значитъ „доказывать, что умноженіе людей и соблюденіе рода человѣческаго Богъ отиѣнилъ, рождать запретилъ, воспитывать чадъ для небеснаго царствія отназалъ, законными чадородіемъ составлять исполненіе церковное отрѣшилъ, признавать бракъ предохранительнымъ средствомъ отъ любодѣянія отставилъ, жену помощницею мужу не числитъ“, — значитъ дагѣ думать, что „Христовъ Спаси-

(1) Кн. Кирилл. гл. 6, л. 58; слово: „я будешь вѣсть на небо“ итъ въ Кириллицѣ.

(2) „Брачное врачество“, соч. Павла любоп. см. его Катал. стр. 101, № 416; снес. опл. раскол. сочин. А. В. ч. II, стр. 308—310.

толь, св. Василий Великій, Беокилактъ и протіе многіе, опредѣлившіе кончину брака быти въ самомъ скончаніи сего тлѣннаго міра, по своимъ таковымъ заключеніямъ оказались неосновательны и ложны“ (1). И дѣйствительно, разсматривая изложенныя нами соображенія Любопытнаго о существованіи брака даже въ царство антихриста—до самой кончины міра, нельзя не согласиться, что сказать что-либо *противъ* нихъ болѣе, чѣмъ трудно. Если не мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что Любопытный основывалъ свои соображенія исключительно на словѣ Возіемъ, на ученіи Отцевъ и свидѣтельствахъ тѣхъ самыхъ книгъ, которыя пользуются у всѣхъ раскольниковъ непререкаемымъ авторитетомъ, какъ книги „богодунновекныя“,—таковы: большой патрихизсъ, книга Кириллова, книга о вѣрѣ и др.; то поймемъ, въ какое безвыходное положеніе ставились его „резонами“ Федосѣевцы, думавшіе защитить свое безбрачіе указаніемъ на послѣднія времена міра. Всѣ „возраженія“ ихъ противъ безбрачія нославныхъ браковъ были уже, какъ мы видѣли, опровергнуты Поморцами. — Теперь самымъ очевиднымъ образомъ была доказана ложность и той ихъ мысли, будто въ царство антихриста браки не возможны. Что оставалось послѣ этого дѣлать бракоборцамъ? Видя, что литературная борьба съ Покровцами, имѣвшими на своей сторонѣ преимущество знанія и ума, умѣнья вести полемику и честности и искренности убѣжденій, не можетъ вести ни къ чему другому, кромѣ окончательнаго пораженія Федосѣевцевъ, Ковылинъ оставилъ теорію и обратился къ практикѣ, надѣясь одолѣть Поморцевъ на этомъ пути. На мысль о подобной тактикѣ указывало

(1) „Защаченіе церковнаго цѣломудрія“, рукоп. публ. библ. № 33, л. 309 и 316.

Ковылину и то обстоятельство, что въ это время Василья Емельянова, — главы Покровской общины, — пользовавшагося за свою строгую жизнь общинъ уваженіемъ не только Поморцевъ, но и Федосъевцевъ, уже не было въ живыхъ (ум. 1797 г.). Значить, думая гордый строгитель Преображенскаго кладбища, теперь „вдраву моему“ никто не осмѣлится пренятствовать, — можно и „небезобразничать“.

И вотъ начинается со стороны „общаго и отличнаго покровителя всехъ церквей (т. е. толковъ) старовѣрчества“, какъ величаютъ Ковылина Любопытный, рядъ преслѣдованій Покровцевъ, — преслѣдованій гнусныхъ, на которыя можетъ быть способенъ только разбогатѣвшій и разтолстѣвшій купецъ — невѣжа и фанатикъ — и которыя до глубины души возмущаютъ каждаго честнаго человѣка. Дѣло въ томъ, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, у безпоповцевъ московскихъ было одно только кладбище для погребенія умершихъ, — и именно — на Преображенскомъ кладбищѣ, которымъ, какъ извѣстно, деспотически и безконтрольно распоряжался Ковылинъ. На этомъ кладбищѣ съ разрѣшенія полиціи хоронили своихъ покойниковъ и Поморцы. Ковылинъ, чтобы отомстить Покровцамъ за поражение, нанесенное ими Федосъевцамъ въ литературной полемикѣ по вопросу о бракѣ, и силою заставилъ защитниковъ брачной жизни отказаться отъ ученія, такъ очевидно доказавшаго несостоятельность его проповѣди о всеобщемъ безбрачїи, рѣшился воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и сталъ затруднять Поморцамъ доступъ на кладбище. „Непушу, объявить онъ имъ, васъ, сатанинскія дѣти, на кладбище“ доколь вы не „перестаните жениться и не подпишитесь не жить съ женами, и ребятъ не будете

родить, и во всемъ съ нами не будете согласны“. Покровцы думали сперва, что Илья Алексѣичъ шутитъ, или по крайней мѣрѣ „не дѣло говорить“. Но скоро Ковылинъ на дѣлѣ показалъ, что, подъ вліяніемъ гнѣва и оскорбленнаго самолюбія, онъ способенъ на всякія мерзости. Доступъ на кладбище Покровцамъ день сегодня становился все труднѣе и труднѣе, и наконецъ дѣло дошло до того, что, по выраженію „дружескихъ извѣстій“ (1), „отъ кладбища къ похороненію усопшихъ тѣлъ было имъ отказано“ совершенно. Не перемоясь много, Ковылинъ „приказалъ при кладбищѣ сторешамъ, чтобы изъ Покровской часовни Поморскаго согласія христіанъ на кладбище не пускать покойниковъ хоронить, что, съ горестью говоритъ писатель „исторіи обновленія молитвеннаго храма въ Москвѣ въ Покровской улицѣ“, и было выполняемо долгое время“. Можно вообразить себѣ нравственныя мученія Поморцевъ, лишенныхъ такимъ поступкомъ Ковылина возможности посѣщать могилы своихъ родственниковъ и пѣть по нимъ панихиды, а главное — вынужденнымъ теперь хоронить своихъ мертвецовъ на „мирскихъ кладбищахъ“ и, разумеется, „противъ подобающаго надгробнаго пѣнія и каждаго ежмиама“, — такъ какъ погребеніе съ подобной обстановкой было бы признано „публичнымъ оказательствомъ раснога“, что всегда строго преслѣдовалось нашимъ законодательствомъ. Чтобы помочь горю, Покровцы дважды наняли въ разныхъ мѣстахъ землю подъ кладбище; но богатый Козлякинъ, „слѣдуя оному веліару, иже рать творилше со святыми“, каждый разъ „отбивалъ ее“ у Поморцевъ. Тогда Покровцы обрати-

(1) Она напечатана въ Прав. Обозр. за 1863 г. т. XI, стр. 216—234.

лись съ жалобой на Ковылина къ „градоначальствующему и въ управу благочиния, на что послѣдовалъ господину частному приставу приказъ — допустить просятелей къ хороненію усопшихъ на Преображенское старообрядческое кладбище“. Но что значить „частный приставъ“ для человека, у котораго бывають въ гостяхъ за честь поставляли сами градоначальствующіе? Если же полиція иногда силой приказывала Ковылину допустить Покровцевъ на кладбище, — онъ прибѣгалъ къ другому роду мщенія иными врагамъ своимъ, и именно: приказывалъ, „чтобъ когда ихъ стада и единъ новель будетъ на кладбищѣ, тобъ Поморскаго согласія надъ усопшихъ не смѣли пѣть надгробнаго“, и кромѣ того приказывалъ отводить Поморцамъ для погребенія умершихъ самыя неудобныя мѣста на кладбищѣ. Такъ „егда скончавшуся рабу Божию Евстратію Θεодоровичу (1), тогда Илья (Ковылинъ) велелитрый приказаетъ въ частный домъ въ чялнн таковомъ, чтобъ удержатъ похороны до нѣкаго дня и болѣе“. Когда же эта попытка не удалась, то „егда покойнаго тѣла было принесено, Ковылинъ съ наущникомъ своимъ Иваномъ Θεодоровымъ сваяна по кладбищу въ ресорныхъ дрожкахъ, глядя на дѣло своего злострасія, и подѣхавъ сваяна (Покровцамъ, горевалишимъ о потерѣ одного изъ самыхъ уважаемыхъ членовъ Поморской общины): вотъ вамъ мѣсто спокойно, толю тѣло на водѣ положено будетъ“. Но это еще не все: желая силой заставить Поморцевъ смириться предъ „гордымъ патриархомъ Θεодосіаской Церкви“, а слѣдовательно и предъ его требованіемъ—оставить ученіе о необходимости брачной ни-

(1) А не Θεодосѣвичу, какъ сказано у Надеждина (см. споры безпоп. Преобр. кладб. и Попр. час. о брачѣ стр. 54).

зия, Ковылина рѣшился на невысланный для работныхъ раскольниковъ — кощунственный поступокъ: „перевозавъ гордестному дракону“, оны „съ могилъ Покровскаго согласія памятникни собралъ и землемъ оныя сравнялъ, на мни истесавъ, а кресты древяныя въ дрова употребилъ“. Послѣ такого поступка Ильи Алексѣвича, Поморцамъ, знавшимъ интимныя отношенія Ковылина къ властямъ, потворствовавшимъ хлѣбосолюшному бегачу, дѣйствительно не оставалось ничего болѣе, какъ спириться предъ „отличнымъ бракорбцею“ и употребить всѣ средства къ примиренію съ такимъ сильнымъ и неразборчивымъ въ средствахъ мщенія врагомъ своимъ. И вотъ, не смотря на то, что Покровцы, глубоко оскорбленные поступками Ковылина, въ душѣ искренно презирали этого „потатчика блудной жизни“, они пишутъ ему посланіе за посланіемъ, въ которыхъ, оставивъ въ сторону „обличеніе Федосѣевскихъ заблужденій,“ просятъ Илью Алексѣвича объ одномъ — „прекратить взаимныя разномыслія, распространить общую святую любовь и возстановить многотѣльное спокойствіе“ между обими толками. Обрадовался Ковылинъ такой переизмѣнѣ въ Покровцахъ и уже мечталъ о совершенной побѣдѣ надъ ними. Но, какъ показали послѣдствія, Илья Алексѣвичъ жестоко ошибался, считая примирительный тонъ посланій Поморцевъ за начало уступокъ съ ихъ стороны въ пользу Федосѣеваго безбрачія. Покровцамъ нужно было мѣсто для погребенія покойниковъ; съ цѣлію пріобрѣсть безпрепятственный доступъ на Преображенское кладбище они и хлопотали о примиреніи съ „его хозяиномъ,“ какъ величали Ковылина Федосѣевцы. Что же касается вопроса о брагѣ, то Поморцы, какъ ниже будетъ видно, не допускали никакихъ о какой-либо усту-

въ Фодосъевцамъ въ этомъ отношеніи; напротивъ втайнѣ они и теперь ласкали себя надеждой убѣдить самаго Ковылина и его послѣдователей въ справедливости ученія о необходимости брачной жизни. Какъ бы впрочемъ ни было, только Ковылинъ, мечтавшій о подчиненіи своему кладбищу всѣхъ безпоповцевъ и видя теперь готовность со стороны Покровцевъ примириться съ Фодосъевцами, первый рѣшился начать дѣло объ „уничтоженіи взаимныхъ разгласій и о восстановленіи многомѣстнаго спокойствія.“ Съ этою цѣлю онъ избираетъ въ 1807 г. изъ среды своихъ приверженцевъ „нѣкоего казанскаго стрѣльца Михаила“ и приказываетъ ему, сдѣлавъ изъ написанныхъ Поморцами сочиненій въ пользу брака „экстрактъ“ главныхъ положеній, написать на нихъ опроверженіе. Когда „экстрактъ“ былъ готовъ, Ковылинъ для выслушанія его созываетъ 10-го марта на Преображенское кладбище Фодосъевцевъ и Покровцевъ. Послѣдніе, увѣренныя въ неопровержимости своего ученія, были рады „собору“, на который приглашалъ ихъ Ковылинъ: но при самомъ же началѣ соборныхъ разсужденій увидѣли, что Илья Алексѣичъ, требуя отъ нихъ уступокъ въ пользу Фодосъевскаго безбрачія, самъ вовсе не расположенъ дѣлать никакія либо уступки въ пользу Поморскаго брака, и что, слѣдовательно, миръ съ такимъ человекомъ невозможенъ. Ковылинъ такъ началъ рѣчь свою: къ собравшимся Покровцамъ: „когда вы перестанете жеваться и подпихиваться не жить съ женами, и ребятъ не будете родить, и во всемъ съ нами будете согласны?“ Когда же на такой безцеремонный вопросъ нищецъ, Занкинъ замѣтилъ „оличному бракоборцу,“ что онъ „не дѣло говоритъ“, Ковылинъ въ гнѣвъ сталъ кричать на Зан-

кина, приказывая ему молчать; а когда Поморцы напомнили Ковылину, что они пришли на соборъ не для того, чтобы слушать его ругательства, но для выслушанія тѣхъ возраженій, какія приготовили Ѳедосѣевцы противъ ихъ ученія о бракѣ, строитель Преображенскаго кладбища обратился къ нимъ съ новымъ вопросомъ: „кими словами св. Евхаристія въ тѣло и кровь Христа Бога нашего пресуществляется?“ Какъ связывался въ головѣ Ковылина этотъ вопросъ съ вопросомъ о бракѣ, трудно сказать; быть можетъ, „патріархъ Ѳедосіанской церкви“ хотѣлъ испытать, на сколько свѣдущи Покровцы въ „Божественномъ писаніи,“ чтобы знать, какъ вести съ ними дѣло. „Знаемъ“, отвѣчали Поморцы и „писаніемъ“ доказали, что говорили правду. „Тогда, по свидѣтельству одного Поморца, Ковылина голова была весьма красна, лице же его яко огневицею горяше. Онъ приказалъ подать себѣ кружку квасу, кимъ утоляя жаръ своей злобы, глоталъ помяленьку квасъ въ гортань свою.“ Послѣ довольно продолжительнаго молчанія, Ковылинъ сталъ читать „экстрактъ,“ въ которомъ, на взглядъ Покровцевъ, было много несправедливаго. Они стали было возражать, но Ковылинъ, произнеши свое обычное: „молчать,“ приказалъ своимъ подчиненнымъ отобрать отъ Поморцевъ подписку въ томъ, что они отказываются отъ брака. Разумѣется, Покровцы не только не дали такого обязательства, а напротивъ стали доказывать словами Апостола, что бракъ честенъ и ложе не северно. Противъ такого яснаго свидѣтельства св. Писанія въ пользу брака нѣкоторые изъ Ѳедосѣевцевъ замѣтили, что „теперь уже времена стали не тѣ, Апостоловъ нѣтъ и писанія ихъ не имѣютъ силы неопровержимаго авторитета,“ а дру-

гіе болѣе фанатичныя и невѣжественныя кричали Поморцамъ, что „лучше со ста животными смѣстится, нежели законнымъ бракомъ одну жему имѣть.“ Слѣдствіемъ такихъ диническихъ выраженій, Покровцы сочли за лучшее оставить собраніе такихъ „буцефаловъ“ и разойтись по домамъ.

Спустя „единъ мѣсяцъ и десять дней паки Ковылянь мѣтется, паки пяты ногъ своихъ движеть и мужіе хулятели брака въ свой домъ приглашаетъ“. О чемъ совѣтывался Илья Алексѣичъ съ своими приближенными, мы не знаемъ; только вскорѣ послѣ этого Покровцы получаютъ отъ него новое приглашеніе явиться на Преображенское кладбище для выслушанія будто бы новаго „экстракта“. Желая во что бы то ни стало покончить давній споръ съ Фодосѣвцами, чтобы избавиться отъ ихъ грубыхъ и глупыхъ преслѣдованій, Поморцы явились въ этотъ разъ на Преображенское кладбище въ сѣмь миролюбивомъ настроеніи духа и, чтобы расположить къ такому же настроенію и Ковыляна, подали ему „предварительное мнѣніе“ въ 8 пунктахъ, написанное въ духѣ мира и любви, въ которомъ высказали свой взглядъ на взаимныя разногласія и на способъ къ ихъ уничтоженію. Вотъ что писали Поморцы въ этомъ „мнѣніи“: „въ сообразность истинны и православно-христіанской любви христіанъ, именуемыхъ Фодосѣвцъ, но содержащемуся въ нихъ правовѣрному смышлю и по соблюденію ими свято-церковныхъ догматовъ, именуемъ быти православными христіанами. А что между нами съ ними имѣющіяся несогласія о коленіи за вѣдѣнныя власти и о совершенствѣ законнаго брака, такъ намъ не по отвращенію ихъ объ ономъ къ свѣтлымъ законамъ, но по ревности и по опасности принять состо-

ящее во образъ или бы исповолокнвомъ, то по снмъ
прнчннамъ еретнгамъ нлн раскольннннамъ не нменумъ.
Когда не по отвраценю къ нсконнымъ нстннамъ онн
пропзводнтъ несогласн, то до всеобщаго н ршнтель-
наго разбрнтельства вснхъ между намн протнвообраз-
ныхъ доказательствъ н сужденн дѣнствуемье ннн ны-
нѣ по надлежащему образу тннны—крещенне н пока-
нне прнемлемъ за святые н спаснтельные. Вснхъ отъ
нхъ несогласныхъ бывшнхъ съ намн по вышесозначен-
нымъ прнчннамъ н скончавшнхся нсповѣдуемъ бытн
правобѣрными н о упокоенн нхъ душъ Господу Богу
моглмса. А прнтомъ ежели ннхъ заблагоразсуднтса пре-
кратнтъ н уннчтожнтъ надлежащнмъ н благопрнстой-
нымъ образомъ продолжающнхся между намн съ обонхъ
сторонъ несогласн н составнтъ мнръ, то всеусердно же-
лаемъ. Н ежели по всѣмъ свято-церковнымъ законамъ
н по здраворазсуднымъ обстоятельствомъ въ нхъ мнѣ-
ннхъ о нспомыхъ вещахъ когда откроетса нстина, то
безъ всякаго сомнѣння ее прннать согласнса. Отъ са-
маго начала нхъ съ намн несогласнн по настоящее сне
время отъ кого-лнбо нзъ нашихъ пропзведенныя какня
о спорныхъ вещахъ оправдательныя сочннення, то до
подробнаго нхъ общнмъ совѣтомъ разсмотрѣння опредѣ-
лнтъ неправомудрствующнми смѣлости не ннѣемъ. А
оказавшнхся въ оннхъ сочнненняхъ нѣкоторыя нескром-
ности н дерзкня назнменовання мы не одобряемъ. А со-
вѣтъ составнтъ о разсмотрѣваннн оннхъ сочнненнн слѣ-
дуетъ избратъ, опредѣлнтъ н уполномоцитъ съ каждой
стороны не меньше по 7 человекъ къ сему способныхъ
н надежныхъ, н ежели прн томъ случатса бытъ какне
свндетелн, то оннмъ бытъ дозволнтъ, н въ чемъ онн
будутъ къ тому принадлежащнмъ спрашнвать, то ннхъ
объявлять со всякою благопрнстойностью н вдравнымъ рав-

сужденіемъ“ Здѣсь высказано Поморцами такъ много жестокаго для Феодосѣевцевъ, что, казалось бы, Ковылину оставалось только принять тѣ условія для рѣшенія спора, которыя предлагали Покровцы. И однакоже онъ назвалъ „мнѣніе“ Поморцевъ „приказными кричками“ и требовалъ только чтенія „экстракта“. Чтеніе началось и Поморцы увидѣли, что вопреки обѣщанію Ковылина „экстрактъ“ читался не новый, а тотъ же самый, который былъ признанъ ими несправедливымъ еще на первомъ собраніи. Разумѣется, Поморцы замѣтили это Ковылину; но онъ вмѣсто всякаго объясненія поднялъ руки и, указывая на постройки Преображенскаго кладбища, обратился къ Покровцамъ съ слѣдующими грозными словами: „видите сіи стѣны, не моего ли ои строенія? Вамъ ли со мною говорить? Я васъ въ такое мѣсто унежу, въ которомъ во вѣкъ свой стонать будете... И такъ на семъ презентѣ, заключаетъ повѣствователь объ этомъ событіи, чтеніе прекратилось; строитель стѣнъ удалился съ собора и прочіе люди разошлись во своя дома“ (1).

Такимъ образомъ и это собраніе Феодосѣевцевъ и Поморцевъ для взаимнаго между ними примиренія, бывшее 21-го апрѣля 1807 г., не привело ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Одно только стало яснымъ теперь для Покровцевъ—это то, что хлопотать о примиреніи съ „надмѣннымъ“ Ильею Алексѣичемъ значитъ тратить напрасно время. Дальнѣйшій разговоръ будетъ подтвержденіемъ того, что Поморцы не ошибались въ своемъ взглядѣ на Ковылина.

Нильскій.

(1) Все эти свидѣнія взяты нами изъ рукоп. публ. библ. по отдѣл. брадоб. сочиненій № 28, ч. 2, подъ заглавіемъ: „исторія о бывшемъ съ Ильею Алексѣевичемъ Ковылинымъ разговорѣ Поморскаго согласія христіанъ о произшедшемъ несогласномъ мнѣніи со стороны Феодосіанъ, то би мнѣя время брака человѣческій родъ существо своего бытія долженъ имѣть“.